

I.

Шеллингъ и Чаадаевъ.

Имя П. Я. Чаадаева, безспорно, знаменуетъ собою цѣлую эпоху, или, по крайней мѣрѣ, поворотный пунктъ въ развитіи русской мысли въ XIX вѣкѣ. Его „Письмо“ было какбы могучимъ утесомъ или скалою, раздвоившею русло потока. О Чаадаевѣ говорять не мало; но нельзя не признаться, что для выясненія генезиса этой своеобразной доктрины, равно и для освѣщенія самой личности ея автора, сдѣлано пока еще очень мало. Мнѣнія Чаадаева сложились подъ весьма разнообразными вліяніями. Но эти вліянія еще не указаны, не перечислены, не опѣнены.....

Къ числу научныхъ авторитетовъ, вліяніе которыхъ несомнѣнно сказалось на образованіи мнѣній Чаадаева, необходимо отнести славнаго философа Шеллинга. И Чаадаевъ въ нѣкоторомъ смыслѣ принадлежитъ къ сонму русскихъ шеллинговцевъ. Вліяніе Шеллинга на Чаадаева было двойное: и личное, и черезъ сочиненія.

По выходѣ въ отставку Чаадаевъ весной 1821 г. предпринялъ заграничное путешествіе, длившееся 5 лѣтъ¹⁾. „Въ

---

¹⁾ Михаилъ Лопуховъ, «Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ», стр. 138 въ «Русскомъ Вѣстнике» за 1862 г., т. 42, ноябрь, ст. 4.

путешествіи своемъ Чаадаевъ знакомился съ умственою жизнью Европы на дѣлѣ, изучивъ ее до этого времени въ твореніяхъ лучшихъ ся представителей. Онъ провѣрялъ свои познанія опытомъ, наблюдениемъ нравовъ и учрежденій, личными сношеніями съ передовыми людьми науки, литературы и церкви.... бесѣдовалъ съ учеными и мыслителями въ ихъ тихихъ кабинетахъ, внушая новымъ знакомцамъ дружбу къ себѣ и искреннее уваженіе къ своему уму, познаніямъ, убѣжденіямъ. Связи эти сохранилъ онъ навсегда и потомъ изъ Россіи переписывался съ заграничными знакомцами, между прочимъ съ славнымъ Шеллингомъ¹⁾.

Съ Шеллингомъ Чаадаевъ сошелся въ Карлсбадѣ въ 1825 г., когда Чаадаеву было 32 г. Онъ вошелъ въ довѣренность мыслителя, и тотъ сообщалъ ему свои мысли, даже такія, которыя еще не были имъ опубликованы въ печатныхъ сочиненіяхъ. Какъ разъ въ это именно время въ Шеллингѣ совершился его великій переломъ, и онъ обдумывалъ свою „философию откровенія“.

Шеллингъ не въ первый разъ уже встрѣчался съ молодыми русскими, жаждавшими философскаго просвѣщенія. Еще въ началѣ столѣтія онъ встрѣтился съ Д. М. Велланскимъ, наиболѣе жаркимъ своимъ русскимъ послѣдователемъ, „обратилъ вниманіе на его воспріимчивый умъ“ и самъ поощрялъ его къ философскимъ занятіямъ²⁾.

Знакомство и сношения съ Шеллингомъ поднимали Чаадаева даже въ глазахъ тѣхъ, кто не особенно внимательно относился къ философи, какъ напр., А. С. Пушкина. При свиданіяхъ съ Погодинымъ въ Москвѣ въ 1828 г. Пушкинъ сообщаетъ ему обѣ отношеніяхъ Чаадаева и Шеллинга, и Михаилъ

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 139.

²⁾ Философія въ Россіи, т. II, стр. 86.

Петровичъ, отдававшій тогда дань общему увлеченію Шеллингомъ, заноситъ въ свой „Дневникъ“ подъ 23 дек. 1828 г. „Мысль завести переписку съ Чаадаевымъ, о знакомствѣ котораго съ Шеллингомъ разсказывалъ Пушкинъ“¹⁾.

Такъ одно уже знакомство со знаменитымъ мыслителемъ, одна уже хотя бы простая прикосновенность къ нему придавала въ то время человѣку интересъ въ глазахъ увлекающихся почитателей Шеллинга.

Когда черезъ 7 лѣтъ послѣ этого знакомства Чаадаевъ, находясь уже въ Россіи, узналъ отъ Тургенева, встрѣтившагося тогда съ Шеллингомъ, что тотъ уже читаетъ лекціи по своей новой, видоизмѣненной философіи, Чаадаевъ загорѣлся любознательностію и просилъ философа сообщить ему подробности новой системы. Шеллингъ отвѣчалъ ему — и такимъ образомъ завязалась между ними любопытная переписка, на которую, къ сожалѣнію, еще совсѣмъ не обращали вниманія.....

Напечатано всего 2 письма (на франц. языке) Чаадаева къ Шеллингу въ качествѣ приложений къ цитированной статьѣ М. Лонгинова въ „Русскомъ Вѣстнике“ за 1862 г., т. 42, стр. 157—160 (I письмо стр. 157—158 и II стр. 159—160). Второе письмо помѣщено также кн. Гагаринскимъ въ его изданіи *Oeuvres choisies* Чаадаева, Paris, 1862, стр. 203—206, но представляетъ тамъ разночтенія.

Обратимся теперь къ этимъ письмамъ, въ высшей степени любопытнымъ и важнымъ для характеристики личности Чаадаева и для выясненія генезиса его возрѣнія. Мы приводимъ ихъ въ нашемъ собственномъ переводе, ставя рядомъ съ переводомъ въ скобкахъ нѣкоторые подлинныя выраженія, наиболѣе характерныя или не поддающіяся точной передачѣ по русски.

---

¹⁾ Н. И. Барсуковъ, Жизнь и труды М. И. Погодина, т. II, стр. 258 и 415.

I.

1832 г. Москва

M. Г.

Не знаю, помните ли Вы молодого человѣка русской національности, втораго Вы видѣли въ Карлсбадѣ въ 1825 г. Онъ имѣлъ преимущество (*avantage*) часто бесѣдоватъ съ Вами о философскихъ предметахъ, и Вы оказали ему честь сказать ему, будто Вы находитѣ удовлетвореніе въ томъ, что сообщаєте ему свои мысли. Вы говорили ему, между прочимъ, что относительно нѣсколькихъ пунктовъ Вы видоизмѣнили свои идеи, и Вы совѣтовали ему подождать появленія новаго сочиненія (которымъ Вы тогда были заняты), чтобы ознакомиться съ Вашею философией. Это сочиненіе не появилось, а тѣтъ молодой человѣкъ былъ—я. Въ ожиданіи, М. Г., я перечиталъ всѣ Ваши сочиненія. Сказать Вамъ, что по Вашимъ слѣдамъ (*traces*) я поднялся до тѣхъ высотъ, на которыхъ такимъ прекраснымъ полетомъ (*élan*) вознесъ Васъ Вашъ геній—это было бы, можетъ быть, съ моей стороны, самонадѣянностью (*présomption*); мнѣ помнится, Вы находили, что *Кузенъ* не совсѣмъ Васъ понялъ; а для меня, человѣка неизвѣстнаго въ европейскомъ мірѣ, было бы неосмотрительно изъявлять притязаніе превзойти (*aller en avant*) столь великую литературную извѣстность (*renommée*); но мнѣ будетъ, думаю, позволено высказать Вамъ, что изученіе Вашихъ сочиненій открыло мнѣ новый міръ, что при свѣтѣ Вашего духа я въ области мысли прозрѣлъ пространства, которыя были всецѣло скрыты для меня, что это изученіе было для меня источникомъ плодотворныхъ и восхитительныхъ размышленій; мнѣ будетъ позволено сказать Вамъ еще, что при слѣдованіи за Вами въ Вашихъ возвышенныхъ (*sublimes*) путяхъ мнѣ часто случалось достигать другихъ мѣстъ, чѣмъ тѣ, въ которыя

пришли Вы. Теперь я узнаю отъ одного друга, который въ послѣднее время провелъ нѣсколько дней около Васъ, что Вы преподаете *философію откровенія*. Этотъ публичный курсъ, Вами читаемый нынѣ, М. Г., какъ я предполагаю (*pr  sume*), есть именно развитіе той мысли, которая прорастала (*germait*) въ Вашемъ душѣ, когда я видѣлъ Васъ въ Карлсбадѣ. Я не знаю, какова можетъ быть та доктрина, которую Вы пытѣ излагаете въ своей аудиторіи, хотя, увѣряю Васъ, я, думалось мнѣ часто, предчувствовалъ, что изъ Вашей системы должна когда-нибудь истечь религіозная философія; но я не могу Вамъ высказать, сколь счастливъ я былъ, узнавъ, что наилубочайшій мыслитель нашего времени дошелъ до этой великой идеи слить (*fusion*) во едино философію съ религіею. Съ первого момента, когда начиналъ я философствовать, эта идея явилась мнѣ, какъ огонь маяка (*fanal?*) и цѣль всей моей умственной работы. Весь интересъ моего существованія, вся любознательность моего разума оказались поглощенными этою единственную идею; и по мѣрѣ того, какъ я подвигался въ размышленіи впередъ, я увѣрялся, что здѣсь же и величайшій интересъ человѣчества. всякая новая мысль, какая въ моей головѣ группировалась съ этою первой мыслію, казалась мнѣ камнемъ, который я приносилъ для построенія храма, гдѣ нѣкогда всѣ люди должны будутъ соединиться, чтобы тамъ—въ совершенномъ познаніи—покланяться очевидному Богу. Затерянный въ интеллектуальныхъ пустыняхъ (*solitudes*) моей страны, я долгое время считалъ себя единственнымъ, кто изнуряется этимъ трудомъ (*labeur*), или, по крайней мѣрѣ, думалъ, что у меня разсѣяно по землѣ мало сотрудниковъ; потомъ я открылъ, что весь мыслящій міръ шелъ по тому же направлению; и то былъ для меня великий день, когда я сдѣлалъ это открытие. Но въ то же время я былъ пораженъ необходимостью въ высокомъ индивидуальномъ разумѣ, въ великомъ изолированномъ дѣятелѣ (*agent*), созданномъ на то, чтобы указывать дорогу

(guider) всѣмъ разумамъ, всѣмъ дѣятельнымъ силамъ (agens) массы. Съ этихъ поръ я естественно сталъ думать о Васъ. Этотъ человѣкъ, говорилъ я себѣ, столь высоко поставленъ въ моральной сферѣ міра, это—человѣкъ, которому родъ человѣческій обязанъ въ большой части вторичнымъ открытиемъ (retrouvé) своихъ первыхъ и святыхъ интуицій; возможно ли, чтобы новый свѣтъ, который, навѣрное, скоро просвѣтить всѣхъ насъ, не засвѣтился (luire) его очамъ во всемъ своемъ блескѣ ранѣе, нежели онъ явится глазамъ всего міра? Онъ согласовалъ уже столько разнородныхъ (divergents) элементовъ человѣческой мысли: не согласуетъ ли онъ также религіозный элементъ съ элементомъ философскимъ, которые уже соприкасаются? Наконецъ, въ моихъ внутреннихъ (intimes) пожеланіяхъ (voeux) прогресса и совершенствованія Вамъ предназначалъ я совершить великий переворотъ, къ которому, по моему мнѣнію, стремится новый разумъ; и вотъ говорятъ мнѣ, что Ваше краснорѣчивое слово проповѣдуется (prêche) уже не земную, а небесную науку; и вотъ мои пожеланія, мое предчувствіе нѣкоторымъ образомъ, оказывается, осуществились!

Сначала, М. Г., я хотѣлъ только написать Вамъ, чтобы поблагодарить. Но въ сей часъ я не могу уже противиться желанію узнать кое-что объ этомъ новомъ видѣ (face) Вашей системы; будетъ ли чрезмѣрнымъ требованіемъ (безъ всякаго другого права [titre]) на эту благосклонность, кромѣ моей страсти къ успѣху человѣческаго разума и моего качества—гражданина страны, весьма сильно [grandement] нуждающейся въ просвѣщеніи) просить Васъ сообщить нѣсколько данныхъ объ общихъ основахъ (bases) или объ главной идеѣ Вашего нынѣшняго ученія? Ибо, какъ Вашъ голосъ ни могущественъ, М. Г., онъ не раздается (retentit) до нашихъ широтъ; мы слишкомъ далеко отъ Васъ, М. Г.; мы принадлежимъ къ другой солнечной системѣ; свѣтоносный лучъ, исходящій отъ какой-либо звѣзды Вашего міра, долженъ проходить громадный путь, прежде чѣмъ придется въ нашъ міръ, и часто теряется въ этомъ переходѣ (trajet).

Если г. *Тургеневъ*, другъ, о которомъ я сейчасъ упомянулъ, стоитъ всегда въ отношеніяхъ съ Вами, то, онъ могъ бы, быть можетъ, сказать Вамъ, что мои занятія и мои труды дѣлаютъ меня достойнымъ Вашего общенія (*commerce*). Однако въ этотъ моментъ я не хочу говорить Вамъ о своихъ собственныхъ идеяхъ, или представлять Вашему авторитету то, что я также называю своею системой; я знаю, что, если на этотъ разъ я и могу на что-либо разсчитывать, то это единственно на тотъ интересъ, какой Вы сами могли бы найти, вводя въ Вашу философию не одного меня, но чрезъ мое посредство цѣлое молодое поколѣніе, бѣдное настоящимъ, но богатое будущимъ, столь же жадное къ просвѣщенію, сколь мало оно имѣетъ средствъ удовлетворять свой пылъ (*ardeur*) къ ученію, и коего великое предназначение (*les grandes destinées*) не можетъ быть безразлично для мудреца, стремящагося объять всеобщую судьбу всякой вещи. Я очень желаю, М. Г., не ошибиться въ моемъ предвидѣніи въ этотъ разъ, какъ въ другой: но что бы ни случилось, я никогда не перестану ни удивляться Вамъ, ни сохранять воспоминаніе о тѣхъ нѣсколькихъ часахъ, въ которые я наслаждался Вашею бесѣдою.

Благоволите, М. Г., принять увѣренія въ моемъ глубокомъуваженіи.

Шеллингъ отвѣчалъ Чаадаеву въ сентябрѣ 1833 года.

Отвѣтъ Шеллинга Чаадаеву составилъ собою, очевидно, своего рода событие. Чаадаевъ, которому, какъ известно, тщеславіе совсѣмъ небыло чуждо, давалъ это письмо Шеллинга читать своимъ друзьямъ и даже, вѣроятно, снимать съ него копіи. Подобныя копіи гуляли по рукамъ, и наконецъ одна изъ нихъ попала въ совершенно не подходящія руки, именно къ известному тогда зубоскалу и пересмѣшнику Осину Ив. Сенковскому, который и не замедлилъ воспользоваться для своихъ цѣлей этимъ драго-

цѣннымъ письмомъ, сдѣлавъ его предметомъ своихъ шуточекъ. Такимъ образомъ тщеславіе Чаадаева понесло нѣкоторую кару въ видѣ профанированія обращеннаго къ нему письма. Изъ выдержанекъ, приводимыхъ Сенковскимъ, мы можемъ ознакомиться съ важнѣйшими идеями Шеллингова отвѣта на запросы Чаадаева. Вотъ что сообщаетъ Сенковскій:

„Шеллингъ, который у насъ еще такъ сильно дѣйствуетъ на нѣкоторые умы, почти совершенно забытъ въ Германіи. Извѣстно, что онъ измѣнилъ свою Философію, и многие не безъ основанія думаютъ, что къ этому неожиданному поступку подстрекнуло его огорченіе, причиненное упадкомъ его славы, и необходимость опять обратить на себя взоры. Въ самомъ дѣлѣ онъ успѣлъ возбудить этимъ, если не прежній восторгъ, по крайней мѣрѣ, любопытство ученой и учащейся Германіи, которая теперь ожидаетъ отъ него обѣщанной „Системы Положительной Философії“. Мы имѣемъ передъ глазами письмо его, писанное въ Москву къ одному изъ нашихъ соотечественниковъ въ сентябрѣ прошлаго года, и съ удовольствіемъ *сообщили бы его вполнѣ* нашимъ читателямъ, если бъ умозрительное мечтательство какого бы то ни было человѣка считали важнымъ дѣломъ для человѣчества. Когда пройдемъ мыслію весь рядъ философскихъ системъ, въ которыхъ люди вѣрили, и которыми они восхищались, въ истинѣ которыхъ были убѣждены, и надъ которыми теперь смѣются; когда подумаемъ, что всю прошлую зиму Шеллингъ съ Ѣдкою и прозрительною улыбкою перебиралъ въ Мюнхенѣ ученія своихъ предшественниковъ, и черезъ десять лѣтъ съ той же каѳедры другой философъ такъ же пріятно будетъ забавляться на ихъ счетъ и вмѣстѣ насчетъ системы его, великаго Шеллинга, у насъ почти не достаетъ силы серіозно говорить объ этихъ вещахъ, которыхъ впрочемъ не отвергаемъ необходимости: надо же тѣшить людскіе умы чѣмъ-нибудь,—не той, то другою системою, не тѣмъ, то другимъ умозрѣніемъ! Глядя на

предметъ съ этой утилитарной точки, мы приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ письма, въ которомъ Шеллингъ старается оправдать свое философское отступничество и дать понятіе о сочиняемомъ имъ ученіи, о своемъ *gegenwrtigen Standpunkt*. „Я уже оканчиваю“, говоритъ онъ. „трудъ, начатый очень давно, слѣдствіемъ котораго будетъ *новый умственный міръ, до сихъ поръ неприступный для философіи*.... Это не по-мысль жалкій и тощій—одного человѣка, но общій духъ времени, который возжелалъ *проявиться въ насъ и черезъ насъ*“.

Почтенный профессоръ изъясняется немножко вдохновеннымъ слогомъ! „Собственно, я не оставляю прежняго пути, но продолжаю его; также, не отказался отъ прежнихъ средствъ, но ищу употребить ихъ высшимъ образомъ; словомъ, стремлюсь не отрынуть прежнія мои пріобрѣтенія въ области ума, но воспарить выше и распространить ихъ предѣлы. Философія Откровенія составляетъ не цѣлое, но послѣднюю часть всей моей Философіи. Система тѣмъ различается отъ всѣхъ прежнихъ, что содержитъ въ себѣ философію, которая дѣйствительно можетъ до того достигнуть, не противодѣйствуя христіанству, ни Философіи вообще: „*hoc opus, hic labor erat*“.

Далѣе Шеллингъ утверждаетъ, что, придерживаясь по возможности прежняго своего образа изслѣдованія, онъ старается преодолѣть нынѣшній раціонализмъ,—философскій, не богословскій,—но не想要 впадать въ сентиментальность, изувѣрство или мистицизмъ: онъ имѣеть въ предметѣ дѣйствовать на всеобщее и вѣчное убѣжденіе и утвердить свое ученіе *навсегда*. Блаженъ, кто въ состояніи тѣшиться подобными надеждами!“ ¹⁾)

Такое неуважительное отношение къ Шеллингу вызвало, разумѣется, неудовольствие всѣхъ русскихъ шеллинговцевъ, и

---

1) Библіотека для чтенія, за 1834 г., т. III, мартъ и апрѣль, VII, Смѣсь, Германія ученая и литературная (о Шеллингѣ стр. 113—115), стр. 114—115.

прежде всѣхъ, маститаго ихъ старѣйшины, Д. М. Велланскаго, который въ своемъ письмѣ къ единомышленнику своему, московскому профессору М. Г. Павлову (отъ 29 мая 1834 г. изъ Петербурга) пишетъ:

„Оригинальные примѣры весьма полезны для ученаго об-разованія; и безъ онъхъ врожденный геній остается навсегда въ состояніи зародыша. Таковыхъ геніевъ, какъ вездѣ, такъ и у насъ находится множество; но положеніе ихъ достойно сожалѣнія! Они суетятся и беспокоятся, какъ рѣзвыя, несмышенныя дѣти, оставленныя на ихъ произволъ, безъ всякаго за ними присмотра. Вся наша литература наполнена дѣтскими игрушками, которая однако выдаются за важныя и поучительныя произведенія просвѣщенного времени! Не довольствуясь своими фарсами, они берутъ материалы изъ сцены чуждаго имъ міра, шутятъ и смѣются надъ тѣмъ, чего вовсе не понимаютъ, а именно надъ Философіею Шеллинга. Такъ въ „Библиотекѣ для чтенія“ Германскій философъ представленъ въ карикатурномъ видѣ, будто измѣнилъ онъ свою Философію и всѣми силами старается возстановить упавшую свою славу!! Таковой сарказмъ подтверждается ссылкою на письмо Шеллинга, писанное къ кому то въ Москву, хотя изъ приведенныхъ извлеченій письма явствуетъ противное сказанному въ сарказмѣ“¹⁾.

---

¹⁾ Философія въ Россіи, т. II, ст. VII. Письма Д. М. Велланскаго, стр. 226—227, письмо № VII.

Свою переписку съ Шеллингомъ Чаадаевъ возобновляетъ черезъ довольно долгій промежутокъ времени—чрезъ 8 или 9 лѣтъ послѣ отвѣта Шеллинга: въ 1841 или 1842 г. Онъ пользуется для этого случаемъ принести свои поздравленія Шеллингу по поводу новаго его тріумфа, назначенія его въ преемники Гегелю —на берлинскую каѳедру философіи. Чаадаевъ въ этомъ письмѣ по прежнему выражаетъ свою увѣренность въ важномъ значеніи философіи Шеллинга для міра вообще и для Россіи въ особенности.

II.

1842 г. Москва, 20 мая (по Лонгинову).

(У Гагарина: 15 апрѣля 1841 или 1842 г.).

M. Г.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вы оказали честь написать мнѣ, много чего произошло въ философскомъ мірѣ, но изо всего этого меня всего живѣе интересовало видѣть Ваше появленіе на новой сценѣ (*théâtre*), куда призвалъ Васъ владыка, другъ генія. Какъ только узналъ я о Вашемъ прибытии въ Берлинъ, я испыталъ желаніе обратить (*adresser*) къ Вамъ свои благопожеланія успѣха Вашимъ ученіямъ въ этомъ центрѣ нѣмецкой науки; различныя обстоятельства, не зависящія отъ моей воли, воспрепятствовали мнѣ удовлетворить его: теперь мнѣ остается только поздравить Васъ съ Вашимъ тріумфомъ. Я не имѣю

самонадѣянности вѣрить, чтобы мои привѣтствія (*compliments*) могли Васъ безконечно тронуть, и если бы у меня не было сказать Вамъ чего-либо другого, то я, быть можетъ, и удержался бы отъ того, чтобы писать Вамъ; но я не могъ сопротивляться охотѣ сообщить Вамъ о мощномъ интересѣ, который связывается для насъ съ Вашимъ теперешнимъ преподаваніемъ, а равно и о глубокихъ симпатіяхъ, которыми небольшая группа нашихъ философскихъ умовъ привѣтствовала Ваше вступленіе въ этотъ новый періодъ Вашего славнаго пути.

Вамъ небезъизвѣстно, безъ сомнѣнія, что умозрительная философія еще съ давняго времени проникла къ намъ, что значительная часть нашей молодежи, жаждая до новаго просвѣщенія, поспѣшила пріобщиться этой совершенной (*toute faite*) мудрости, которой разнообразныя формулы представляютъ нетерпѣливому неофиту драгоцѣнное преимущество, освобождая его отъ мучительного (*laborieuse*) размышенія,—мудрости, горделивыхъ замашекъ (*allures hautaines*) которой такъ нравятся юношескимъ умамъ: но вы, вѣроятно, не знаете того, что мы теперь находимся посреди особаго рода интеллектуальнаго кризиса, предназначенаго произвести необычайное вліяніе на будущность нашей цивилизаціи, что мы стали добычею реакціи національной, страстной, фанатической, ученой—естественное послѣдствіе экзотическихъ тенденцій, подъ властію которыхъ (*sous l'empire des quelles*) мы жили слишкомъ долго; эта реакція, однако, въ своей узкой исключительности стремится не къ меньшей цѣли, какъ радикальная перестройка идеи страны, таковой, какъ она создалась,—не въ силу насильственнаго вліянія какого-либо соціального катаклизма, (что могло бы нѣсколько узаконить этотъ насильственное [*violent*] возвращеніе къ прошлому), но совершенно просто въ силу естественного хода дѣлъ, вслѣдствіе непогрѣшимой логики вѣковъ, и особенно въ силу самаго характера націи. Итакъ, философія, низвергнуть которую съ престола (*detrôner*) Вы пришли въ Берлинъ, вводясь

и у насть, связываясь съ ходящими у насть идеями, соединяясь съ духомъ, надъ нами нынѣ господствующимъ, угрожала намъ вполнѣ извратить наше народное чувство, т. е. тотъ принципъ, скрытый у каждого народа въ глубинѣ его сердца, который со-ставляетъ его сознаніе (*conscience*),—способъ, какимъ онъ себя понимаетъ и ведетъ себя на пути, указанномъ ему (*as-signé*) въ общемъ постановленіи вселеній. Чудесная (*prodigieuse*) эластичность этой философіи, которая пригодна (*se prête*) ко всѣмъ возможнымъ приложеніямъ, создавала между насть самыя причудливыя мечты (*imaginatons les plus bizarres*) относительно нашей роли въ мірѣ, о нашихъ будущихъ судь-бахъ; ея фаталистическая логика, которая почти подавляетъ свободную волю, все въ ней устанавливая на свой образецъ, кото-рая повсюду находитъ неумолимую необходимость, должна была, обращаясь на наше прошлое, свести всю нашу исторію па ретроспективную утопію, на высокомѣрную (*arrogante*) апо-еозу русскаго народа; ея система вселенскаго примиренія съ помошью совершенно нового хронологическаго приема (*procédé*), занимательнаго (*rivant échantillon*) образчика нашихъ фи-лософскихъ способностей (*capacités*), приводила насть къ вѣрѣ, будто, предвосхищая ходъ человѣчества, мы посреди насть уже осуществили ея честолюбивыя (*ambitieuses*) теоріи; наконецъ она могла бы, можетъ быть, лишить насть самого прекраснаго наслѣдія нашихъ отцевъ, этой стыдливости (*pudeur de l'intelligence*) разумѣнія, этого воздержанія мысли (*tempérance de la pensée*): ея культь съ сильною печатью созерцанія и аскетисма проникъ ихъ бытіе. Судите же сами, были ли для всѣхъ тѣхъ изъ насть, кто серьезно любитъ свою страну, Вы желан-нымъ (*le bien venu*) въ очагѣ той философіи, вліяніе которой могло стать для насть столь пагубнымъ (*funeste*)! И не думайте, что я преувеличиваю это вліяніе! Есть моменты въ жизни народовъ, когда всякая новая доктрина, какова бы она ни была, посто-янно окажется облеченою въ необычайное могущество по при-

чинъ необычайного движенія умовъ, характеризующаго эти эпохи. Итакъ, надобно признаться, жаръ, съ которымъ у насъ суетятся (*on s'agite*) на поверхности общества, чтобы разыскать какую то (*je ne sais quelle*) потерянную національность,—невѣроятенъ. Шарятъ (*on fouille*) во всѣхъ уголкахъ исторіи страны; переправляютъ исторію всѣхъ народовъ міра, имъ опредѣляютъ (*inflige*) происхожденіе, общее съ привилегированною расою, славянской расою, смотря по ихъ большей или меньшей заслугѣ; сдвигаютъ всю кору съ земного шара, чтобы открыть тамъ права (*titres*) новаго народа Божія; и пока (*tandis que*) эта мятежная національность ускользаетъ отъ всего этого тщетнаго труда, выдѣлываютъ (*fabricque*) новую, которую имѣютъ притязаніе навязать странѣ; она, впрочемъ, совершенно безразлична къ лихорадочному изступленію этой безбородой науки. Но лихорадки распространяются, и если бы учение о непосредственномъ явленіи абсолютнаго Духа въ человѣчествѣ вообще и каждомъ изъ его членовъ въ частности—продолжало царить въ Вашей ученой метрополіи, то мы увидѣли бы, я въ томъ увѣренъ, какъ весь вашъ литературный міръ скоро обратился бы къ этой системѣ, *courtisan obséquieux* человѣческаго разума, очаровательному льстецу (*flatteur charmant*) всѣхъ его претензій. Вы знаете, въ дѣлѣ философіи мы еще въ началѣ пути (*notre point de départ*); и важно знать, отдадимся ли мы порядку идей, вызывающему (*provoquant*) до высшей степени всѣ роды личныхъ пристрастій или, вѣрные той дорогѣ, какойшли до сего дня, мы будемъ продолжать слѣдовать по путямъ того религіознаго смиренія (*humilité*), той скромности духа, которая во всѣ времена были отличительною чертою нашего національнаго характера и, наконецъ (*en dernier lieu*), плодоноснымъ принципомъ нашего особеннаго (*singulier*) развитія. Продолжайте же, М. Г., торжествовать надъ гордою философіею, которая претендовала вытѣснить Вашу. Вы видите, судьбы великаго народа нѣкоторымъ образомъ зависятъ отъ успѣха Вашей системы. О если бы мы могли нѣкогда увидѣть созрѣвающими посреди

нась всѣ плоды истинной философіи и быть Вамъ за это обязанными!

Это любопытное письмо Чаадаева къ своему философскому другу и ментору достаточно показываетъ, съ какимъ почтеніемъ относился онъ къ Шеллингу. На его верховный судъ и осужденіе ставить онъ новую философію, пустившую корни и въ Россіи въ видѣ „славянофильства“, представители котораго, впрочемъ, имѣли много точекъ соприкосновенія и съ учениемъ Шеллинга. Надобно полагать, что Шеллинга и пристрастіе къ нему Чаадаева имѣлъ въ виду Д. В. Давыдовъ, съ гусарскою рѣзкостью говоря о поведеніи Чаадаева во время исторіи съ „Философическимъ письмомъ“: „это просто гадко; но что смѣшно—это скорбъ его о томъ, чтò скажутъ о признаніи его умалишеннымъ знаменитые его друзья и ученые: Ballanche, Lamené (sic), Guizot, и *какие-то нѣмецкие шустера* (!!)—*метафизики*! ¹⁾). Чаадаевъ, видно, не скрывалъ своей боязни потерять уваженіе Шеллинга и прочихъ лично знакомыхъ ему европейскихъ свѣтиль.

То же письмо является очень важнымъ памятникомъ и въ другомъ отношеніи: какъ матеріаль для выясненія еще не решенного окончательно вопроса объ отношеніяхъ Чаадаева къ славянофильству и его представителямъ. Онъ, повидимому, жестоко ратуетъ *противъ* нихъ; но не было ли у него личныхъ къ нимъ симпатій и даже нѣкоторыхъ *общихъ* мыслей? Въ качествѣ справки мы позволимъ привести здѣсь нѣсколько парал-

---

¹⁾ Сочиненія, изд. IV—1860 г., ч. III, стр. 142. Приложенія, II. Переписка, 1. Письмо къ А. С. Пушкину (1833—1835 г.) безъ означенія года, 23 ноября, Москва.

лельныхъ мѣсть изъ двухъ писемъ П. Я. Чаадаева къ князю П. А. Вяземскому, писанныхъ нѣсколько лѣтъ позже.

„Мы искони были люди *смиренные* и умы *смиренные*. Такъ воспитала нась наша церковь. Горе намъ, если мы измѣнимъ ея мудрому ученію: ему обязаны мы своими лучшими народными свойствами, своимъ величиемъ, своимъ значеніемъ въ мірѣ. Къ сожалѣнію, новое направление *избранийшихъ* умовъ нашихъ именно къ тому клонится..... Пути наши не *тѣ*, по которымъ идутъ *другие* народы. Мы, конечно, достигнемъ всего того, изъ чего они бываютъ, но по сіе время мы столь мало еще содѣйствовали къ общему дѣлу человѣческому, что *безумно* намъ величаться *предѣ старшими* братьями нашими. Они не лучше нась, но они опыте нась..... Не повѣрите, до какой степени *личности* людей въ нашемъ краю измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ облеклись *этой народной гордынею*, невѣдомой отцамъ нашимъ“¹⁾.

Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу и тоже по поводу „Переписки Гоголя“ Чаадаевъ замѣчаетъ:

..... „Гордость ему привита его друзьями. Но знаете ли Вы, откуда взялось у насъ въ Москвѣ это безусловное поклоненіе даровитому писателю? Оно произошло отъ того, что *намъ въ Москвѣ* сталъ нуженъ человѣкъ, котораго бы мы могли поставить на ряду съ великанами духа человѣческаго, съ Гомеромъ, Дантомъ, Шекспиромъ и выше всѣхъ прочихъ писателей настоящаго „прошлаго времени.... Этихъ поклонниковъ я знаю коротко; я ихъ люблю и уважаю: они люди умные, люди хорошіе; но имъ надобно--во что бы то ни стало — *возвысить нашу скромную, богомольную Русь надъ всѣми странами* въ мірѣ; имъ непремѣнно надобно себя и другихъ

---

¹⁾) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VIII, гл. LXVIII, стр. 588. Письмо писано въ апрѣль 1847 г.

въ томъ увѣрить, что мы призваны быть какими-то *наставниками* народовъ. Вотъ и нашелся на первой случай такой маленькой наставникъ; вотъ они и стали ему про это твердить на разные голоса... а онъ... имъ повѣрилъ“.....¹⁾.

Когда полиція въ 1852 г., составляя офиціальный списокъ славянофиловъ (какъ людей, опасныхъ для правительства), внесла туда и Чаадаева, паравнѣ съ Аксаковыми и Кирѣевскими, къ негодованію и смѣху лицъ, понимавшихъ дѣло (какъ, напр., того же кн. Вяземского)²⁾, то она, конечно, не руководилась какими-либо философскими анализами сходственности ихъ учений. Но будущій историкъ литературы, несомнѣнно, натолкнется на весьма любопытныя и неожиданныя сближенія.... даже и въ частномъ случаѣ—одинаковыхъ и у Чаадаева, и у славянофиловъ симпатій къ Шеллингу.

---

¹⁾ Письмо И. Я. Чаадаева къ князю И. А. Вяземскому отъ 29 апрѣля 1848 г.—въ «Русскомъ Архивѣ» за 1866 г., стр. 1084—1085, или стр. 337 въ «Вѣстникѣ Европы» за 1871 г. (VI годъ), т. VI, кн. 41, ноябрь, «Неизданныя рукописи И. Я. Чаадаева». I. Письма (I—XV), письмо IX.

²⁾ И. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. И. Погодина, кн. XII, стр. 134—по «Старой записной книжкѣ» Вяземского.